

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32

Л. Р. Дускаева
Санкт-Петербург, Россия

L. R. Duskajeva
St.-Petersburg, Russia

О ЖАНРОВЫХ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЯХ

ABOUT GENRE TEXT CATEGORIES

Аннотация. В статье обосновывается введение в анализ речевых жанров понятия жанровой категории, которое помогает описать их лингвистическую определенность. Жанровые категории выделяются не на грамматической, а на экстралингвистической основе. Предлагается речевой жанр описывать тремя видами категорий – диалогичности, иллокутивности и референтности. У каждой из категорий имеется свое поле разноразрядных языковых единиц, композиционных приемов и невербальных средств. В силу вариативности семантики диалогичности, иллокутивности и референтности в речевых жанрах поля этих категорий неоднородны и разделяются на микрополя. Взаимодействием средств полей диалогичности, иллокутивности и референтности выражается тематическая и композиционная специфика речевого жанра.

Ключевые слова: речевой жанр, жанровая текстовая категория, диалогичность, иллокутивность, референтность.

Abstract. The article proves the introduction of genre category concept into the speech genres analysis which helps to describe the linguistic definiteness of the genres. Genre categories are distinguished not on grammatical, but on an extralinguistic, intentional basis. Three types of categories – dialogism, illocution, and referentiality are offered for description of speech genres. Each category has its field the of different language units, composition methods, and nonverbal means. Owing to variability of dialogism, illocution, and referentiality semantics in speech genres, the fields of these categories are heterogeneous and divided into microfields. Interaction of means of dialogism, illocution and referentiality fields reveals substantial and semantic structure of a speech genre.

Keywords: speech genre, genre text category, dialogism, illocution, referentiality.

Сведения об авторе: Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, зав. кафедрой речевой коммуникации.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций».

E-mail: lrd2005@yandex.ru

About the author: Duskajeva Liliya Rashidovna, Head of the Department of Speech Communication, Doctor of Philology.

Place of employment: Saint-Petersburg State University, Institute «Higher School of Journalism and Mass Communication».

Постановка проблемы

Активизированное работами М. М. Бахтина, лингвистическое жанроведение вот уже два десятилетия в центре внимания большого числа исследователей во всем мире [1–10]. В славянском жанроведении речевой жанр, вслед за М. М. Бахтиным, представляется как относительно устойчивый тематический, композиционный и лингвостилистический тип высказываний (текстов). Главное организующее начало речевого жанра – его интенция, или «речевая воля» говорящего. Речевой жанр рассматривается элементом более крупной системы – дискурса [6 ; 11].

В ходе анализа журналистского дискурса мы обнаружили, что он организован иерархией интенций. Это отражается в дифференциации на группы (информирующую, оценочную и по-

будительную), групп – на жанры, жанров – на последовательности речевых действий [12]. В частности, среди информирующих целеустановок жанрообразующими являются: Сообщение о ходе события, о причине события, об итогах события; Описания нового объекта, места ситуации, результата взаимодействия субъектов; Передача чужого высказывания, ответного высказывания; Представление неизвестной аудитории персоны и напоминание об уже известной персоне. Каждая из названных жанрообразующих целеустановок выражается набором частных типовых речевых действий. Например, журналистский речевой жанр «Сообщение о ходе события» состоит из интеракций, вопросная часть которых развивает повествование: что предшествовало событию? Какие элементы составляют событие? Чем за-

кончилось и какие последствия оно имело? Сообщение представляет собой повествование, в котором можно выделить части, содержащие ответы на поставленные вопросы [12]. Как модель тематически связанных текстовых фрагментов представляют речевой жанр и другие исследователи.

Однако мы оказываемся перед проблемой: а как лексико-грамматические средства участвуют в организации композиции речевых жанров? В частности, эту проблему ставит в своей работе А. А. Кибрик, формулируя ее следующим образом: «С лингвистической точки зрения, центральный вопрос теории жанров состоит в том, можно ли определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры» [13]. Языковую сущность жанровой схемы можно определять с помощью единиц анализа, способных отразить отбор и комбинацию (комбинаторику) языковых средств в жанре.

Таким единицами анализа способны выступить жанровые текстовые категории, использование которых в стилистическом анализе речевых жанров свяжет их с языковой системой. В статье предполагается обосновать выделение **жанровых семантико-стилистических категорий** и продемонстрировать отбор и комбинацию языковых средств в речевом жанре как текстотипе.

Этапы изучения текстовых категорий

Развитие идей категориальной лингвистики текста шло в языкознании постепенно. Изменялись представления о характере репрезентации категорий, об их объеме, критерии выделения. В лингвистике можно выделить несколько этапов становления категориальной теории текста:

1) формирование полевого подхода к систематизации средств выражения категорий (А. В. Бондарко),

2) обоснование категориального подхода к изучению текстуальности (И. Р. Гальперин, А. Ф. Папина, З. Я. Тураева, Т. В. Матвеева),

3) оформление экстралингвистического типологического подхода к выделению категорий (М. Н. Кожина).

Каждый из этих этапов знаменовал изменение подхода к выделению категориальной семантики, что неизбежно преобразовывало характер обобщений, заложенных в категориях.

Первоначально у грамматических категорий было зафиксировано два признака: 1) общность значения у единства противопоставленных языковых средств одного уровня и 2) вариативность языковых форм его выражения. Такими категориями назывались, в частности, падеж, род и число у существитель-

ных, время, залог у глагола и т.д. Вместе с развитием взгляда на язык как на функционирующую, действующую систему потребовалось выделение не только оппозиционно-дихотомических категорий, но и *градуальных* [14]. Вместе с тем обнаруживались новые системные отношения между лингвистическими явлениями. Так, в работах А. В. Бондарко зарождается теория функционально-семантических категорий (ФСК), в которой описание грамматики началось в направлении «от смысла – к средствам». В качестве важнейших категориальных признаков лингвистических явлений были выделены,

во-первых, наличие инвариантного категориального значения, выражаемого *вариантно*;

во-вторых, присутствие в них не только противопоставленности, но и *градуальности* вариантных значений;

в-третьих, способность категориального значения эксплицироваться *разноуровневыми* языковыми средствами;

в-четвертых, полевая системность приемов и средств, которые выражают категориальное значение (наличие ядра и периферии).

Обнаружение полевой структуры категории было серьезным открытием А. В. Бондарко: структура функционально-семантического поля, в отличие от понятийного, имеет языковую материализацию и определяется соотношением значений. Были выделены поля категорий таксиса, бытийности, субъектности, локативности, причины и т.п. Но эти категории еще не предназначались для анализа текста.

На **втором** этапе, с развитием лингвистики текста, задача категориального изучения языка существенно расширилась. Достижением категориальной лингвистики на втором из выделенных нами этапе стало существенное уточнение важнейших категориальных признаков лингвистических явлений:

- утверждение идеи о речевой природе текста;

- выделение текстовых категориальных значений, что в последующем позволило перейти к описанию текстотипических свойств (Т. В. Матвеева);

- обнаружение среди репрезентантов собственно композиционно-текстовых приемов, в том числе имплицитно выраженных.

Выдвижение этих идей явилось предпосылкой для последующего типологического анализа текстов.

Однако вполне закономерно был поставлен вопрос о возможности выделения категорий не только универсальных, но и *специфических* для того или иного речевого свойства. Новым этапом в развитии категориальной лингвистики стало ее развитие в трудах М. Н. Кожиной. Категории определялись ученым как

инструмент описания своеобразия речевой манеры в разных сферах общения и их разновидности. Под категорией при этом рассматривалась «система разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов) на основе выполнения ими единого коммуникативного задания» [15 : 148]. Особенно важно уточнить: объединение языковых средств разных уровней предложено осуществлять в таких категориях не по семантико-грамматическому принципу, а по **коммуникативно-функциональному**: на основе выполнения в типовом тексте его функции. Такое функциональное значение выходит в более широкий экстралингвистический контекст, и исследование не ограничивается лишь системно-функциональным аспектом языка. Кроме того, одним из критериев определения у конкретных ФССК его центральных и периферийных – в поле – средств является показатель значимости для выражения той или иной семантики.

Рассмотрев категории функционально-грамматические, текстовые и функционально-семантические, важно подчеркнуть, что лишь последние формируются на экстралингвистической, функционально-смысловой основе. Смысловая общность средств, входящих в категорию, – это не соотносимость с тем или иным значением, лежащим в основе грамматической категории, но функционально-смысловая близость единиц в процессе реализации в тексте соответствующего экстралингвистического фактора [16]. Категории функционального плана позволяют представить качественную определенность речевого явления, а потому могут быть рассмотрены как инструмент типологического изучения текстов.

Чтобы установить качественную лингвистическую определенность речевого жанра, представляется правомерным выделение собственно **жанровых категорий**, отражающих специфику выражения каждого речевого жанра. Такие категории показывают особенности отбора и комбинации языковых средств разных уровней, текстовых и невербальных, создающих композитивную целостность отдельного речевого жанра.

Жанровые семантико-стилистические категории

В определении речевого жанра ведущей для нас стала идея М. М. Бахтина о диалогичности, опираясь на которую в речевом жанре мы видим устойчивую типовую для дискурса текстовую **форму речевого реагирования** на предыдущее высказывание. Качественную оп-

ределенность речевого жанра формирует система категорий: а) диалогичности, которая показывает характер связи речевого жанра с предыдущим высказыванием и последующей его интерпретацией; б) иллокутивности, выражающая ключевой иллокутивный смысл представленного в жанре авторского обращения к адресату; в) референтности, репрезентирующая предметное поле речевого жанра. Следовательно, средства трех видов категорий формируют жанровую специфику: **диалогичности, референтности и иллокутивности**, находящиеся, с одной стороны, в иерархических отношениях, с другой стороны, в отношениях взаимодействия и пересечения.

Категория диалогичности – наиболее общая и наиболее широкая среди выделенных жанровых категорий. Отражая собственно коммуникативную функцию языка, она представляет характерную для речевого жанра в массмедиа структуру речевой коммуникации:

информационный повод для публикации (предыдущее сообщение) ↔ новое сообщение в том или ином речевом жанре ↔ ориентация на адресата.

Значит, средства этой категории демонстрируют типовую для данного речевого жанра логику взаимодействия смысловой позиции автора со смысловыми позициями других участников коммуникации. Важнейшими для выражения категории диалогичности средствами выступают текстовые композитивные единицы – интеракции вопрос – сообщение (основные в информирующих жанрах), сообщение – его оценка (ведущие в оценочных жанрах), сообщение – побуждение (важнейшие в побудительных жанрах). Композиционную структуру как монологических, так и диалогических журналистских текстов мы рассматриваем как последовательность интеракций, отражающую достижение коммуникативной цели во взаимодействии автора и адресата [об этом писали в разных работах, подробнее в : 5]. В монологических текстах эти интеракции могут быть двухкомпонентными (если и реплика-стимул, и реплика-реакция представлены), а могут быть однокомпонентными, если одна из реплик лишь подразумевается.

Текстообразующими в речевом жанре являются языковые средства и приемы, указывающие на промежуточное положение речевого жанра в коммуникации: 1) ввода и оценки чужой речи; 2) самой чужой речи, содержащей лексико-грамматические, синтаксические, пунктуационные, графические показатели «чуждости»; 3) логических отношений (модально-логических и предметно-логических) авторской смысловой позиции с чужими. Взаимодействие этих средств выстраивает двустороннюю композицию РЖ. Вариативно сочетаясь друг с дру-

гом и выстраиваясь в соответствии с жанровой логикой с помощью маркеров логических отношений, интеракции образуют разные типы текстов: описательные, повествовательные, аргументирующие, побудительные (ср. с т.н. пассажами в терминологии таких авторов, как Лонгакр, Грэссер и Гудман [17 ; 18]).

Далее, внутри интеракции передача жанрового содержания обеспечивается категориями, выражающими иллокутивное и референтное значения жанра. Иллокутивные категории презентуют направленные на эмоциональную и интеллектуальную сферу адресата интеллектуально-речевую волю адресанта и отношение субъекта речи к адресату и к предмету речи. Иллокутивные категории выражают целевую ментально-речевую направленность воздействия. Многообразные направленности мы свели к трем основным: 1) сообщения; 2) оценки; 3) побуждения. Каждый из видов сообщений (повествующий, описывающий, характеризующий персону, передающий чужую речь), оценок (согласие, возражение, похвала, хула, насмешка, полемика, одобрение, поддержка), побуждений (рекомендация, призыв, предложение, совет, инструкция, рецепт) выражается своим полем разноуровневых языковых средств. Характер интеракции определяется преобладанием репрезентантов категории с тем или иным значением. Эти категории (которые рассматриваются нами с функционально-смысловых, а не с грамматических позиций!), способствуют передаче авторского отношения к предмету речи и ключевой смысл обращения к адресату. Семантико-стилистические поля сообщения, оценки и побуждения для организации речевого жанра вступают во взаимодействие с полями референциальных значений речевых жанров.

Жанровые категории, выражающие референтное значение, т.е. предметное поле, на которое направлена иллокуция, варьируются в разных группах жанров. В информирующих речевых жанрах предметным полем выступают событие, ситуация, чужое высказывание или персона. В оценочных – объективно или субъективно существующие связи между событиями, проблемные ситуации в разных сферах социальной жизни, чужие высказывания и смысловые позиции отдельных персон. В побудительных – по-разному представленные модели действий. Лингвистическая специфика каждого из жанров выражается взаимодействием категорий, передающих его референциальный, модальный и композитивно-коммуникативный смыслы.

Поскольку категориальные смыслы вариативны, в поле каждой из категорий выделяются микрополя, эту вариантность отражающие. Как поле в целом, так и микрополя, его составляющие, передаются с помощью разноуровне-

вых языковых средств, текстовых приемов и невербальных способов – шрифтовых выделений, расположения на газетной полосе, инфографики. Тем самым речевой жанр предстает в медиа как поликодовый объект.

Категориально-лингвистический анализ проиллюстрируем на примере информационного портретного речевого жанра представления неизвестной ранее персоны аудитории.

Речевой жанр представления персоны

Обычно жанр представления относят к числу этикетных и его направленность ограничивают установлением контактов для последующего межличностного общения [19]. Ясно, что в журналистике РЖ представление имеет информирующее, осведомляющее значение, а не этикетное. Жанр представления в СМИ уместен в тех случаях, когда журналист знакомит с новой для массовой аудитории персоной, каким-то образом заявившей о себе. Представление в контексте нашей статьи мы рассматриваем как одно из речевых действий, дифференцирующее отдельный речевой жанр в ряду информирующих. Специфика этого речевого действия в журналистике может быть определена в ходе анализа развертывания текстов этого жанра. Как показывают наблюдения, представлять в СМИ кого-то – это сообщать о ком-то, предлагая информацию о нем вниманию аудитории, рекомендуя ей его, демонстрируя человека, выделяя в нем какие-то черты, преподнеся как интересную в каком-то отношении личность, а иногда подавая медиа свежую информацию о новом для них человеке и заинтересовывая в их в нем, предъявляя факты, воссоздавая отдельные сведения. Часто, если журналист ставит перед собой задачу – представить интересную в каком-нибудь отношении персону, он психологически подготавливает аудиторию, анонсируя последующее знакомство.

Примером информирующего представления персоны в журналистике может послужить речевая практика журнала «Форбс», где существует соответствующая рубрика (самые известные..., самые богатые... и т.п.). Покажем роль выделенных нами категорий в речевой структуре жанра представления на примере галереи информационных портретов, опубликованных в номере от 1 марта под общим заголовком «Богатейшие люди России» (Forbes. 01.03.2016) и общим вступлением:

Первая интеракция.

Американский Forbes во вторник, 1 марта, обнаружил ежегодный, 30-й по счету – юбилейный – рейтинг мировых миллиардеров. В список вошли 77 представителей России, на 11 меньше, чем годом ранее: крупный бизнес

продолжает нести потери из-за кризиса в экономике, обвала нефтяных котировок и санкционной войны с Западом. Возглавил российскую часть рейтинга – впервые в истории – совладелец «Новатэка» и «Сибура» Леонид Михельсон. Подробнее о десяти богатейших россиянах и четырех новичках из России в списке – в нашей галерее.

Далее следуют пронумерованные портретные тексты, сопровождаемые портретными фотографиями. Вторая интеракция – знакомство с персоной – оформлена в виде анкеты:

Леонид Михельсон
Состояние: \$14,4 млрд
Изменение за год: + \$2,7 млрд
Место в мировом рейтинге: 60

Михаил Фридман
Состояние: \$13,3 млрд
Изменение за год: – \$1,3 млрд
Место в мировом рейтинге: 63

И затем размещается третья интеракция – основной текст сообщения:

Леонид Михельсон – основной акционер крупнейшего независимого производителя газа в России «Новатэк» и нефтехимического холдинга «Сибур». Также он владеет миноритарной долей в Промсвязьбанке. **Партнер Михельсона** по «Новатэку» и «Сибуру» – **Геннадий Тимченко**. Еще одним **совладельцем** нефтехимического холдинга является **Кирилл Шамалов**, которого *СМИ называют предполагаемым мужем Катерины Тихоновой, предполагаемой дочери Владимира Путина*. **Шамалов приобрел долю** в «Сибуре» у Тимченко – после того, как против давнего знакомого президента России были введены американские санкции. В конце 2015 года китайская Sinopec купила 10% «Сибура» за \$1,3 млрд. **Михельсон увлеченно коллекционирует** предметы искусства и спонсирует выставки в России и США. **Его отец был директором** строительного треста Куйбышевтрубопроводстрой – **крупнейшего** в системе Министерства строительства нефтяной и газовой промышленности СССР.

Вместе со своими давними – еще со студенческих времен – деловыми партнерами **Германом Ханом** и **Алексеем Кузьмичевым** он контролирует «Альфа-групп», **крупнейшую** в России финансовую и промышленную инвестиционную группу. В 2013 году государственная «Роснефть» за \$28 млрд выкупила у Михаила Фридмана, Виктора Вексельберга и Леонарда Блаватника 50% нефтяной ТНК-ВР, которой миллиардеры владели на паритетных началах с британской ВР. **Фридман от сделки выручил** \$5,1 млрд. В 2013-м эти деньги частично пошли на запуск новой структуры «Аль-

фы» – холдинга LetterOne Holdings S.A. (L1), на балансе которого оказались иностранные активы инвестгруппы и которому был доверен контроль над сделками M&A за рубежом. В частности, L1 в 2015 году **приобрел** немецкую нефтегазовую компанию Dea RWE за \$5,7 млрд. **Среди крупнейших проектов «Альфы»** – второй по величине российский ритейлер X5, доли в телекоммуникационных холдингах VimpelCom и Turkcell. Уроженец Украины, **Фридман в молодости перебрался** в Москву для поступления в университет. В 1989-м вместе с Ханом и Кузьмичевым он **основал** компанию «Альфа-Эко», которая **положила начало строительству** одной из главных бизнес-империй России. Еще через два года **партнеры** создали Альфа-банк, ныне **крупнейший** частный банк в стране.

Как видим, модель речевого жанра составляют три сообщающие интеракции, которые презентуют категорию диалогичности. Информирование менее осведомленного – читателя (его роль – задавать вопросы) – осуществляет осведомленный журналист, отвечающий на гипотетические или явленные вопросы адресата, через три интеракции: 1. Анонс знакомства: передача полученной из другого источника информации, возбуждающей интерес адресата; 2. Само знакомство, когда журналист представляет персону – аудитория узнает о персоне; 3. Расширение информационного поля о персоне: аудитория получает дополнительные сведения о ней. Эти три композитива в самом общем виде дают представление о человеке. Внутри композитивов пространство «выстраивается» в результате взаимодействия средств категории иллюкативности и референтности.

Первый композитив речевого жанра

Категория диалогичности выполняет здесь композиционную роль. Заголовок и подводка вместе передают анонс будущего представления, выраженного двукомпонентной интеракцией РЖ: реагирующая ее реплика – это вводящая чужую речь авторская конструкция (выделена полужирным). Спровоцировала же все сообщение переданная ранее информация, пересказ содержания которой и составляет реплику-стимул. Структурируют интеракцию прежде всего средства категории диалогичности: выделенная в тексте полужирным вводка чужой речи представляет собой сочетание «субъект речи (*американский «Форбс»*)+глагол речи (*обнародовал*)+предмет речи (*список*)». Анонсирование представления как речевое действие эксплицировано в сочетаниях *Подробнее о* (с пропущенным, но подразумеваемым и легко восстанавливаемым благодаря предлогу предикатом речи), *в нашей галерее*.

Иллокутивная категория представления выражена здесь как прежде всего выделение персоны, о которой информируют, среди прочих людей (уже в заголовке *Богатейшие люди России* используется прилагательное в превосходной степени) преподнесение уникальной в каком-то отношении личности (в рейтинге мировых миллиардеров, в список вошли 77 представителей, впервые в истории), а иногда подавая и заинтересовывая медиа в свежей информации о новом для них человеке (сообщается, что представленный человек богател вопреки «трем бедам» – кризису, обвалу котировок, потерям из-за кризиса).

Судя по первому фрагменту РЖ, референтная категория персональности включает три микрополя средств, передающих: а) номинации персоны (выраженные именами собственными *Леонид Михельсон*), б) ее дескрипции – (эксплицируемые грамматически разнообразными определениями *совладелец «Новатэка» и «Сибура», мировые миллиардеры, представители России*), в) действия или деятельность (называемые предикатами *возглавил*).

Второй композитив РЖ – важнейший в жанре, в нем сообщается имя персоны и дается минимальная о ней информация.

Категория диалогичности проявляется в вопросно-ответной форме фрагмента, которая заложена в анкете (любая анкета – это диалог задающего вопросы (неосведомленного читателя) – в текстах даны слева в столбик полужирным шрифтом – и журналиста (осведомленного лица), отвечающего на эти вопросы – ответы справа в столбик).

Иллокуция композитива – название имени представляемой персоны – выражена выделением номинационной цепочки (имя+фамилия) в отдельную строку.

Категория персональности выражена микрополем номинаций «героев» сообщений (*Леонид Михельсон, Михаил Фридман*), микрополем дескрипций (указанием на место в рейтинге – передано порядковым именем числительным, а также портретными фотографиями), микрополем выражения активности персоны (выражена именами числительными и другими условными обозначениями, указывающими на изменения состояния в минувшем году (в первом тексте *+\$2,7 млрд*; во втором тексте – *\$1,3 млрд*).

Третий композитив речевого жанра

Категория диалогичности выражена особой ее композиционно-текстовой формой – характеризующим персону описанием, которое строится с оглядкой на информационные интересы читателя. Описательный композитив

строится веерной связью идентифицирующих персону предложений.

Категория персональности в этом композитиве выражена:

- номинацией центральной в сообщении персоны и т.п.: именами собственными (*Леонид Михельсон, Михаил Фридман*), местоимениями (*он*), наименованиями должностного и финансового статуса и т.д. (*акционер, совладелец*), уточнениями биографических деталей (*уроженец Украины*),

- дескрипциями персоны: указывающими на родных (*его отец был директором ... – крупнейшего в системе ...*), сподвижников (*вместе с деловыми партнерами Германом Ханом и Алексеем Кузьмичевым*), покровителей (*партнер ... по «Новатэку» и «Сибуру» – Геннадий Тимченко; ... совладельцем является Кирилл Шамалов, которого СМИ называют предполагаемым мужем Катерины Тихоновой, предполагаемой дочери Владимира Путина*), выделяющими персону среди других и отчасти объясняющими причину ее финансового успеха; определяющими масштаб личности (*которму был доверен контроль*);

- демонстрацией действий персоны (показывающих ее сегодняшнее финансовое состояние, пространственное положение, социальный статус *контролирует «Альфа-групп», владеет долей, коллекционирует предметы искусства и спонсирует выставки, основал компанию, перебрался в Москву, от сделки выручил \$5,1 млрд., деньги частично пошли на запуск, приобрел немецкую нефтегазовую компанию Dea RWE за \$5,7 млрд, партнеры создали, сделками M&A*), характера действий (*увлеченно*), пространства действий (*в России «Новатэк» и нефтехимического холдинга «Сибур», в России и США, новой структуры «Альфы» – холдинга LetterOne Holdings S.A. (L1), за рубежом*). Используемые глаголы демонстрируют активность персоны прямо, если называют ее действия, либо косвенно, если демонстрируют активность других лиц, взаимодействующих с этой персоной.

Иллокутивное значение идентификации, выделение персоны среди прочих, характерное для данного композитива, проявляется в указаниях с помощью дескрипций на особые качества персоны, в подчеркивании ее высокого статуса, успешности (*основной, крупнейшего производителя, крупнейшую в России, среди крупнейших проектов, второй по величине российский ритейлер X5, крупнейший частный банк в стране, одной из главных бизнес-империй России*).

Заключение

Лингвистическая определенность речевых жанров может быть раскрыта введением поня-

тия жанровой категории, под которой понимается иерархическая взаимосвязь композиционно-текстовых приемов и разноуровневых языковых средств, передающих специфические для жанровой модели смыслы – коммуникативности, референтности и иллокутивности. Речевой жанр структурируется с помощью средств выражения диалогичности, референтности и иллокутивности. Средства каждой из категории могут быть представлены в виде функционально-семантического поля, включающего микрополя, поскольку диалогический, референтный и иллокутивный смыслы предстают в речевых жанрах вариативно.

Категория диалогичности выражает коммуникативную сущность языка. Средства ее презентации закрепляют местоположение речевого жанра в журналистской коммуникации, отражают трехчастную структуру коммуникативного акта, когда показывают типовую реакцию автора на предыдущее высказывание (информационный повод) и ориентацию журналиста на последующее читательское восприятие. Композитивными единицами выражения диалогичности являются интеракции, составляющие жанровую схему: вопрос – сообщение, сообщение – его дополнение или уточнение, сообщение – оценка, оценка – согласие или возражение, побуждение – выполнение действия или отказ выполнять его и т. п. В монологическом тексте интеракции выражаются или в двух компонентах (и репликой-стимулом и репликой-реакцией), или одним компонентом, если та или иная реплика подразумевается.

Иллокутивная категория передает целевую ментально-речевую направленность воздействия. Жанровые категории, выражающие референтное значение, т.е. предметное поле, на которое направлена иллокуция, варьируются в разных группах жанров.

В информирующих речевых жанрах представления персоны используются средства жанровых категорий диалогичности, персональности, иллокутивности представления. Дифференцирует жанры неодинаковое функционирование в них средств выражения иллокутивности и персональности.

В речевом жанре представления значимы средства микрополя номинации и дескрипции персоны, необходимые для того, чтобы впервые познакомить с персоной. Очень ограниченное микрополе активности представляют экзистенциальные глаголы в форме настоящего времени.

Таким образом, введение в анализ РЖ понятия жанровой категории помогает установить лингвистическую сущность речевого жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
3. Bhatia V. K. Analysing genre : language use in professional settings. London ; New York : Longman, 1993. 236 p.
4. Gayda S. Geneologic typology of texts. ZN WSP w Opolu. Filologia Polska XXXI, Opole, 1993. Pp. 25–31.
5. Swales J. Genre analysis : English in academic and research settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 260 p.
6. Moessnar L. Genre, text type, style, register : a terminological maze. European Journal of English Studies 5(2). 2001. Pp. 131–138.
7. Wang S. Text types and dynamism of genres // Discourse, of Course : An Overview of Research in Discourse Studies. Amsterdam : John Benjamins, 2009. Pp. 81–92.
8. Witosh B. Linguistic study of genres. Problematic aspects. Katowice : University of Silesia, 2005. 215 p.
9. Vojtak M. Gatunki prasowe. Lublin, 2004. 250 p.
10. Corbett J. Genre and genre analysis // Encyclopedia of Language and Linguistics. J. Corbett. Amsterdam ; London : Elsevier, 2006. Pp. 26–32.
11. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Либроком, 2013. 344 с.
12. Дускаева Л. П. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с.
13. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. URL : http://ilingran.ru/kibrik/Discourse_classification%40VJa_2009.pdf
14. Шелякин М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. М. : Наука, 1985. С. 37–49.
15. Кожина М. Н., Дускаева Л. П., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
16. Кожина М. Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. М. Н. Кожиной. Т. 2, ч. 2. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 3–15.
17. Longacre R. The discourse strategy of an appeals letter. In : Mann, William, and Sandra

A. Thompson eds. 1992. Discourse description. Amsterdam : Benjamins. Pp. 109–130.

18. Graesser A. C., Goodman Sh. M. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text. In : Understanding expository text : A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text, ed. B. K. Britton and J. B. Black, 1985. Pp. 109–172.

19. *Формановская Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина; ИКАР, 1998. 293 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

2. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funkcional'no-stilisticheskom osveshhenii (nauchnyj akademicheskij tekst)* [Speech genres in functional and stylistic study (Russian scientific academic text)]. Perm, 2002. 236 p.

3. Bhatia V. K. Analysing genre: language use in professional settings. London; New York: Longman, 1993. 236 p.

4. Gayda S. Geneologic typology of texts. ZN WSP w Opolu. *Filologia Polska XXXI*, Opole, 1993. Pp. 25–31.

5. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

6. Moessnar L. Genre, text type, style, register: a terminological maze. *European Journal of English Studies* 5(2). 2001. Pp. 131–138.

7. Wang S. Text types and dynamism of genres // *Discourse, of Course: An Overview of Research in Discourse Studies*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 81–92.

8. Witosh B. Linguistic study of genres. Problematic aspects. Katowice, 2005. 215 p.

9. Wojtak M. *Gatunki prasowe*. Lublin, 2004.

10. Corbett J. Genre and genre analysis // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. J. Corbett. Amsterdam; London: Elsevier, 2006. Pp. 26–32.

11. Dijk van T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikaciji* [Discourse and power: Representation of domination in language and communication]. Moscow, 2013. 344 p.

12. Duskaeva L. R. *Dialogicheskaja priroda gazetnyh rechevyh zhanrov* [Dialogic nature of speech genre]. Perm, 2004. 112 p.

13. Kibrik A. A. Modus, genre and other parameters of Discourse classifications. URL: http://ilingran.ru/kibrik/Discourse_classification%40VJa_2009.pdf.

14. Shelyakin M. A. *O edinstve funkcional'nogo i sistemnogo opisaniya grammaticheskikh form v funkcional'noj grammatike* [About unity of the functional and system description of grammatical forms in functional grammar] // *Problems of functional grammar*. Moscow, 1985. Pp. 37–49.

15. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovsky V. A. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, 2008. 464 p.

16. Kozhina M. N. *Obshhaja harakteristika tekstovyh kategorij v funkcional'no-stilevom aspekte* [A general characteristic of text categories in functional and style aspect (in relation to the scientific sphere of communication)] // *Sketches of history of scientific style of the Russian literary language. Volume II: Stylistics of the scientific text (general parameters). Part 2: Categories of the scientific text: functional and stylistic aspect*. Perm, 1998. Pp. 3–15.

17. Longacre R. The discourse strategy of an appeals letter. In: Mann, William, and Sandra A. Thompson eds. 1992. Discourse description. Amsterdam: Benjamins. Pp. 109–130.

18. Graesser A. C., Goodman Sh. M. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text. In: Understanding expository text: A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text, ed. B. K. Britton and J. B. Black, 1985. Pp. 109–172.

19. Formanovskaya N. I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshhenija* [Communicative-pragmatic aspects of units of communication]. Moscow, 1998. 293 p.

Статья поступила в редакцию 3.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 25–32. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32

FOR CITING

Duskajeva L. R. About genre text categories. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 25–32. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32 (in Russian).